

Д. А. ДИРИН,
А. С. КУСКОВ
(Барнаул — Саратов)

КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ГОРНОГО АЛТАЯ¹

***Аннотация.** Развивая отечественные и зарубежные взгляды в рамках концепции культурного ландшафта, авторы представили свой вариант культурно-ландшафтной дифференциации территории Алтая. На основе проведенных исследований были выделены пять основных региональных культурных ландшафтов Алтая, сделаны выводы об их формировании, функционировании и развитии.*

***Ключевые слова:** культурогенез, культурный ландшафт, Алтай, этнос, концепция культурного ландшафта.*

Постановка проблемы. Издавна внимание географов приковано не только к изучению природных процессов и явлений, но и к познанию особенностей и закономерностей освоения человеком географического пространства. В процессе взаимодействия человеческих сообществ с географической средой происходит единение культуры и пространства в гармонической или дисгармонической формах. Для изучения территориальных аспектов культурогенеза выделилось особое научное направление — культурная география. В настоящее время наиболее активно развивающейся концепцией данной научной дисциплины является появившаяся в 20-е гг. XX в. концепция культурного ландшафта (О. Шлютер, К. Зауэр, Л. С. Берг).

За рубежом различные аспекты формирования и развития культурных ландшафтов являются реальностью территориального планирования еще с довоенного (30-е гг. XX в.) времени [Лысенкова 2004, 81—82]. В 1920—1930-е гг. первая школа культурного ландшафта оформилась в немецкой географии. У ее истоков стоял О. Шлютер, которо-

му удалось объединить хронологические идеи А. Геттнера и антропогеографию Ф. Ратцеля с гуманистическими идеями французской географии человека (Э. Реклю, П. Видаль де ла Блаш). С тех пор в Западной Европе, и прежде всего в Германии и Франции, изучению и проектированию культурного ландшафта придается исключительное значение.

В это же время начала складываться и самая мощная в дальнейшем Берклийская (Калифорнийская) школа культурного ландшафта, основателем которой стал американец немецкого происхождения Карл Зауэр, разработавший основные положения концепции культурного ландшафта. В 1925 г. он опубликовал свою монументальную теоретическую работу «The Morphology of Landscape» («Морфология ландшафта»), в которой определял культурный ландшафт как пространственное отражение накопленной эволюции культур в определенной местности, своеобразную проекцию культур на природный ландшафт. При этом К. Зауэр противопоставлял концепцию культурного ландшафта географическому детерминизму [Sauer 1925, 19—20].

С первых же шагов развития отечественной науки о ландшафтах стало очевидно, что она не может ограничиться изучением только естественных геосистем. Уже в начале XX в. один из основателей российской школы ландшафтоведения Л. С. Берг ставил конечной целью любого исследования изучение и описание ландшафтов, как природных, так и культурных. Культурными ландшафтами он считал те, в которых человек и культурные объекты играют важную роль. Город или деревня, по его мнению, есть составные части культурного ландшафта [Берг 1915].

С тех пор концепция культурного ландшафта активно утверждалась рядом видных натуралистов — А. И. Воейковым, С. С. Неуструевым, В. П. Семеновым-Тянь-Шанским, В. И. Вернадским и др. Одни из них акцентировали внимание на ведущей роли хозяйственной деятельности в образовании и функционировании культурного ландшафта; другие подчеркивали, что культурные ландшафты зависят от исходных природных условий, с которыми вынужде-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 12-31-01254 «Трансформация этнокультурных ландшафтов Алтая в условиях изменения природной и социокультурной среды»).

на считаться человеческая деятельность. Реализации культурно-ландшафтного подхода отводилась роль осмысления процессов взаимодействия природы и человеческих сообществ, а также результатов этого взаимодействия в пространстве.

В нашей стране теоретико-методологическое обсуждение проблем культурного ландшафта продолжалось до середины XX в., когда определенный итог дискуссии был подведен трудами Ю. Г. Саушкина. О его понимании интересующего нас природно-хозяйственного феномена красноречиво говорит следующее определение: «культурным ландшафтом называется такой ландшафт, в котором непосредственное приложение к нему труда человеческого общества так изменило соотношение и взаимодействие предметов и явлений природы, что ландшафт приобрел новые, качественно иные, особенности по сравнению с прежним, естественным, своим состоянием» [Саушкин 1946, 97—98].

При этом культурный ландшафт не перестал быть природным в том смысле, что, будучи изменен в связи с теми или иными потребностями общества в направлении, нужном производству, он продолжает развиваться по законам природы. В исследованиях от Л. С. Берга до Ю. Г. Саушкина понятие «культурный ландшафт» применялось к любому ландшафту, измененному целенаправленной хозяйственной деятельностью.

Впоследствии, главным образом после работ Ф. Н. Милькова, термин «культурный ландшафт» в изложенном выше понимании был заменен не совсем удачным, на наш взгляд, термином «антропогенный ландшафт». В настоящее время большинство исследователей под антропогенным ландшафтом подразумевают такие комплексы, в которых на всей или на большей их площади коренному изменению под воздействием человека подвергся любой из компонентов ландшафта [Меркулов 2008, 3]. Среди антропогенных ландшафтов, согласно выполняемым ими социально-экономическим функциям, различают ресурсовоспроизводящие (сельскохозяйственные, промышленные, лесохозяйственные), средообразующие

(селитебные, рекреационные), природоохранные и др. Что касается термина «культурный ландшафт», то можно сказать, что впоследствии он приобрел совершенно иное — новое значение.

Несмотря на то что идея культурного ландшафта была выдвинута еще в начале XX в., современное представление о нем, вобравшее в себя совокупность естественнонаучных и гуманитарных знаний, возникло всего 10—15 лет назад и разрабатывается учеными Москвы, Санкт-Петербурга, Смоленска, Саратова, Ярославля, Барнаула и ряда других городов. Особо следует отметить деятельность Ю. А. Веденина, В. Н. Калущкова, Т. М. Красовской, Г. А. Исаченко, Р. Ф. Туровского, Б. Б. Родомана, В. Л. Каганского, М. Е. Кулешовой, в работах которых природа и человек — не антиподы, а равноправные компоненты ландшафта и участники природопользования.

Контексты, где фигурирует сочетание «культурный ландшафт», поражают своим разнообразием — как, впрочем, и варианты употребления базового термина «ландшафт». Поле трактовок культурного ландшафта чрезвычайно обширно — от представлений об «идеальных ландшафтах», возможных лишь в прекрасном будущем, до любых участков земной поверхности, на которые человек когда-либо обратил свое внимание. В ряде текстов термин «культурный ландшафт» вполне заменим словами «пространство», «территория», «местность», «место». В других случаях объекты, рассматриваемые в качестве культурных ландшафтов, трудно привязать к какой-либо конкретной территории.

В данной работе под культурным ландшафтом авторы, вслед за Ю. А. Ведениным, М. Е. Кулешовой [Веденин, Кулешова 2001] и В. Л. Каганским [Каганский 2001] понимают природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и местного сообщества людей, рационально осваивающих (утилитарно, семантически и символически) и преобразующих пространство согласно своим духовным и материальным потребностям.

В работе мы выделим и проведем анализ факторов культурогенеза, фор-

мирования и развития культурных ландшафтов Горного Алтая, а также закономерностей территориальной дифференциации и функционирования культурных ландшафтов.

Факторы культурогенеза Алтая. Современная мозаика культурных ландшафтов Горного Алтая складывалась в результате длительного взаимодействия множества факторов, которые можно разделить на две большие группы: природные и социальные. Можно выделить несколько основных закономерностей природного характера, повлиявших на культурогенез Алтая и отразившихся в современной структуре его культурных ландшафтов. К таковым можно отнести следующие:

1) высокое ландшафтное разнообразие Алтая, связанное с широтным положением этой горной страны, положением на стыке типично континентального и резко континентального секторов, высотной поясностью, барьерностью, инсоляционной и ветровой экспозицией и т. д.;

2) относительно низкая естественная продуктивность горных ландшафтов и их уязвимость к антропогенному воздействию, а также высокий снежный покров как факторы, лимитирующие рост населения;

3) наличие редких с точки зрения жителей равнин природных ресурсов (лес, металлические руды);

4) барьерно-контактная роль горной системы Алтая относительно разных культурных миров (цивилизаций): Алтай является зоной взаимопроникновения культур тюрко-монгольского буддистско-исламского кочевнического, славяно-христианского земледельческого и тюркско-финно-угорского христианско-анимистического лесопромыслового культурных миров;

5) изолированность геокультурного пространства Алтая системой хребтов и долин;

6) относительно стабильные условия увлажнения на Алтае (в сравнении с окружающими равнинами);

7) влияние динамики природной среды на Алтае и на сопредельных территориях.

Среди общественных факторов наибольшее влияние на формирование

современных культурных ландшафтов Алтая оказали следующие:

1) историческая полиэтничность Алтая, определяемая его «барьерно-контактной» функцией;

2) историко-геополитические процессы освоения территории в контексте культурогенеза: Горный Алтай на протяжении истории постоянно попадал под господство различных государств, — Хунну, Тюркского и Кыргызского, Уйгурского каганатов, Монгольской и Циньской империй, Джунгарского ханства, России — каждое из которых стремилось привить местному населению черты собственной культуры;

3) периферийность территории Алтая по отношению к культурно-цивилизационным центрам Евразии и связанная с ней инерционность культурной диффузии;

4) современные глобализационные процессы и связанная с ними мультикультурация и распространение так называемой «массовой» техногенно-потребительской культуры, характеризующейся резким возрастанием материальных потребностей.

Территориальная дифференциация и специфика этнокультурных ландшафтов Алтая. В территориальной организации и функционировании культурных ландшафтов Алтая все еще ведущую роль играют этнические факторы. Территории проживания разных этнических групп на Алтае представляют собой региональные культурные ландшафты, включающие, как правило, несколько геокультурных комплексов более низкого таксономического уровня, выделяемые по функциональному признаку.

К настоящему времени на Алтае сформировалось пять региональных этнокультурных ландшафтов, сформированных тремя этносами — русским, алтайским и казахским (см. рис.).

Русские. Русский этнос — самый многочисленный в Республике Алтай (116510 чел., 57,4%). В пределах Алтая достаточно отчетливо выделяется ареал этнического влияния собственно русского населения, а также компактный ареал субэтнуса русских старообрядцев. Каждый из них сформировал собственный региональный этнокультурный ландшафт.

1. Культурный ландшафт собственно русского этноса (см. фото 1). Территориально занимает низкогорья Северного Алтая с лесными и лесостепными ландшафтами, в долинах крупных рек и в межгорных котловинах. Русские представляют этническое большинство в Горно-Алтайске, Майминском, Чемаль-

ском, Шебалинском, Усть-Коксинском районах. Характерны преимущественно инновационные культурные ландшафты. Типичными являются культурные ландшафты туристско-рекреационного, аграрного (земледельческий, мараловодческий и подсобно-скотоводческий подтипы) и лесохозяйственного типа.

Рис. Региональные этнокультурные ландшафты Республики Алтай. Автор картосхемы — Д. Дирин, разработка — октябрь 2011 г.

Фото 1. Храм Иоанна Богослова на о. Патмос (р. Катунь). Фото А. Кускова. 2010 г.

Русский этнический стереотип формировался не на этой территории, а в европейской части России и при заселении русскими Алтая, сохранился, не претерпев значительных изменений. В XX в. именно русское население оказалось наиболее подверженным утилитарно-материалистическим идеям «покорения природы» и скорейшей индустриализации, транслируемым коммунистическо-атеистической идеологией. Кроме того, этногенез русского этноса проходил в условиях обширности территорий и богатства природы, что в значительной мере отразилось на его ментальном сознании такими пороками, как бесхозяйственность и небрежность. Как следствие, именно в местах расселения русского населения в Республике Алтай ландшафты подвергаются наибольшему антропогенному воздействию. Здесь сосредоточена вся промышленность региона. Также к этим районам относятся большинство земледельческих территорий. Именно здесь более всего сводятся леса, деградируют почвы, развиваются эрозийные процессы и т. д.

Помимо прочего, русские оказались самыми восприимчивыми к научно-техническому прогрессу среди всех этносов

Алтая. В настоящее время преимущественно русские заняты в промышленности (лесная, деревообрабатывающая, строительная, пищевая), социальной сфере и сфере обслуживания (торговля, медицина, образование, туризм и др.).

Экологические нормы в природопользовании русских определяются в основном правилами, установленными административно. Но эффективно работают только те принципы и правила поведения, которые люди признают своими, которые являются их внутренней потребностью. Иными словами, только экофильное сознание этноса может гарантировать рациональное природопользование. Поэтому, наряду с научно-техническим прогрессом в области экологии и природопользования, важнейшей задачей для современного русского этноса является экологизация его мышления, прежде всего через воспитание и образование [Дирин 2008].

В составе русского этноса, несмотря на процессы этнической консолидации, всё еще отчетливо выделяется субэтнос русских старообрядцев.

2. Культурный ландшафт русских старообрядцев. Старообрядцы (староверы, раскольники, кержаки) занимают

компактную территорию в Центральном Алтае (преимущественно Усть-Коксинский р-н) — по рекам Кокса, Катунь и их притокам, в межгорных котловинах (Абайская, Уймонская, Катандинская). К сожалению, официальная статистика не учитывает в переписи эту группу населения в качестве самостоятельной, что затрудняет оценку их численности. По экспертным оценкам старообрядцев в Республике Алтай проживает около 2400 человек (1,2% от общего населения).

Традиционно старообрядцы занимаются земледелием (выращивают пшеницу, рожь, овес, картофель и др.), мясомолочным скотоводством, мараловодством, пчеловодством. Подсобный характер имеют промыслы — охота, рыболовство, собирательство. Ментальная специфика старообрядческого населения заключается в их этнической замкнутости, изолированности от других этносов, что вызвано историей гонений на данную группу населения. Благодаря этой изолированности природопользование данного субэтноса всё ещё остается традиционным в основных своих чертах.

Природопользование старообрядцев многоотраслевое, позволяющее адаптироваться к меняющимся природным условиям и обеспечивающее занятость населения в течение круглого года (уважение к труду для старообрядцев — важнейшая добродетель). Так, весной главное хозяйственное занятие — посевная; летом старообрядцы занимаются полевым земледелием и огородничеством (ассортимент продукции здесь довольно разнообразен), сбором растений-дикоросов, рыболовством; осенью основными делами являются сенокосение, сбор грибов и ягод; зимой — охота и заготовка леса.

Важным традиционным занятием русских старообрядцев, получившим распространение уже в конце XIX в., стало мараловодство. Сегодня это самая прибыльная отрасль традиционного природопользования в республике. Маралов разводят прежде всего ради пантов — молодых рогов, содержащих ценное лекарственное вещество пантокрин. Маралы содержатся практически в естественных условиях: для них огораживаются огромные территории в среднегорных ландшафтах (маральники). С 1990-х гг. мараловодством стали

заниматься и представители других этносов Алтая.

Стиль хозяйствования старообрядцев, благодаря обособленности и самоизоляции этого субэтноса, мало изменился с XVIII в. Основная установка во взаимоотношениях с природой — «брать не больше, чем необходимо, чтобы досталось детям и внукам». Этот и некоторые другие факторы определили сравнительно невысокую степень антропогенной трансформации естественных ландшафтов в местах проживания староверов. Актуальной проблемой является стравливание пастбищных угодий на территории маральников.

До сих пор большую роль во всей жизни старообрядцев (в том числе и в их хозяйстве) играет религиозный фактор. Несмотря на то, что христианская традиция ставит человека над всеми прочими творениями божьими, она также обязывает и бережно относиться ко всему творению, учит благоговейному отношению к Природе, которая является проявлением мудрости, силы и могущества Всевышнего. Подобные представления делают сознание старообрядцев и их пространственное поведение экологичным.

Следует, однако, отметить нарастающую интенсивность процессов трансформации этнического самосознания старообрядцев, изменение мировоззрения (особенно у молодежи), рост материальных потребностей, отказ от традиционных ценностей и устоев, отказ от изолированности, интеграция их в общий русский этнос, в основном через систему образования [Кучуанова 2000, 28].

Главным функциональным типом культурного ландшафта является аграрный с подтипами: земледельческим (пашенным), мараловодческим, подсобно-земледельческим (огородническим), подсобно-животноводческим. Также имеет место охотничье-промысловый тип культурного ландшафта.

Алтайцы. Из проживающих на Алтае народов алтайцы дольше всех занимают эту территорию и, следовательно, могли наиболее оптимально адаптироваться к местным природным условиям, приспособить к ним свое хозяйство и быт. Анализируя системы традиционного природопользования алтайцев и их адаптационные механизмы, отраженные

в культуре, мифологических представлениях, поверьях, традициях и др., большинство авторов приходит к выводу, что они представляют собой модели устойчивого развития на основе экологически сбалансированного хозяйства и экофильного общественного сознания.

Мифологическое сознание, и в частности космогонические представления, алтайцев, сформированные традициями шаманизма, позволили даже в условиях крайне уязвимой природной среды создать достаточно стабильные системы природопользования, позволяющие населению выживать здесь в течение длительного времени. В ходе взаимодействия природы и этноса последним были выработаны нормы поведения, принципы хозяйствования и экологического нормирования. Для закрепления традиций природопользования в массовом сознании народа использовались всевозможные ритуалы.

Главным природоохранным механизмом в данных системах являлось экофильное сознание населения. Поскольку пастбища, дикие звери, растения и всё прочее в представлении алтайцев имели своих духов-хозяев — *эззи*, люди признавали за собой вину, изымая что-либо из природы. Это приводило к сознательной минимизации ресурсопотребления. Также создавались системы природоохраняемых территорий — всевозможных священных источников, скал, рощ и др. Тем самым создавался и оберегался своеобразный «экологический каркас» территории.

Действовали запреты на отдельные виды животных и растений, например на можжевельник, который считался священным и использовался только в обрядах. Особенно распространенным было почитание источников (аржанов), перевалов и вершин. В этих местах было запрещено шуметь, охотиться, пасти скот, что вполне соответствует современным экологическим представлениям. Для выражения своего почтения духам этих мест существовала традиция повязывания специальной ленты «кыйра» и принесения жертв (пищи, напитков и пр.). Помимо религиозного значения, обычай повязывания «кыйра» имеет и экологические функции. Этими лентами маркируются священные для алтайцев объекты, указывая на

определенные правила поведения здесь и охраняя наиболее уязвимые и важные виды и компоненты ландшафтов. Подобное значение имела и традиция укладывания каменных горok «обо» на перевалах и вершинах.

Для охраны некоторых родников, находящихся вблизи стойбищ, а впоследствии населенных пунктов, имелись так называемые хранители родника из числа местных жителей. Как правило, такими хранителями бывают пожилые женщины, которые следят за состоянием источника, чистотой прилегающей территории, объясняют правила поведения посетителям и пр. [Байлагасов, Манышева 2007].

Важным регламентирующим фактором хозяйственной деятельности алтайцев являлось представление о родовых угодьях. Территория проживания этноса (пастбищные, промысловые угодья и др.) была строго разделена между отдельными алтайскими родами. Любое вторжение на чужую территорию влекло за собой немедленное ответное действие. В этой связи просто необходимо было знать угодья своей группы, что подразумевало наличие навыков ориентирования на местности и прочих эколого-географических знаний [Бельгибаев 2003]. Также этот фактор обеспечивал защиту ландшафтов от «наложения» антропогенных нагрузок при одновременном хозяйственном использовании их разными общинами. Были правила, регламентирующие интенсивность природопользования и его временную организацию. Так, у южных алтайцев действовали пастбищеобороты, обеспечивающие восстановление пастбищных угодий.

Временная организация природопользования алтайцев отчетливо отражена в традиционных календарях. Названия месяцев фиксируют не только различные природные явления (климатические, погодные и др.), но и наиболее важные с точки зрения хозяйственной деятельности населения события. Приведем несколько примеров из календаря северных алтайцев (кумандинцы, тубалары, челканцы): январь — *кочкор ай* (месяц барана), март — *корук ай* (месяц охоты на бурундука, бурундук проснулся), апрель — *кандык ай* (месяц цветения кандыка), май — *шаун ай* (месяц по-

сева), август — *кустын ай* (месяц уборки урожая), сентябрь — *сагын ай* (месяц рева маралов, месяц охоты на маралов), октябрь — *курал ай* (месяц дикого козла) и т. д. [Бельгибаев, Бурнаков 2002, 534].

Стабильная численность охотничьих ресурсов также поддерживалась определенными природоохранными мерами и запретами. «Прежде всего, это проявилось в ограничении основного промыслового сезона осенне-зимним периодом, поскольку весной у животных начинался гон» [Бельгибаев 2003, 366].

В целом традиционная хозяйственная деятельность алтайцев характеризуется комплексностью и выраженной сезонностью, являясь малозатратной и эффективной.

Несмотря на общее этническое самосознание алтайцев, стереотипы восприятия и поведения, по некоторым особенностям культуры и системы природопользования, специфике этнической истории и даже антропологическим признакам отчетливо выделяются две этнографические группы — северные алтайцы и южные алтайцы. Большую роль в формировании самобытности этнографических групп алтайцев сыграла природная среда их обитания. Местообитания северных и южных алтайцев имеют ярко выраженные природные отличия. Южные алтайцы занимают преимущественно долинные и котловинные ландшафты Центрального и Восточного Алтая, а также высокогорные степи юго-восточной засушливой части Алтая; северные алтайцы расселены в таежных ландшафтах предгорий и низкогорий Северного Алтая.

3. *Культурный ландшафт северных алтайцев* (см. фото 2). Северные алтайцы (челканцы, кумандинцы, тубалары) традиционно населяют лесные низкогорья Северного Алтая, по долинам крупных рек и озер. В административном отношении районами их проживания являются Чойский, Турочакский, частично Майминский. Общая численность этой этнографической группы на территории Республики Алтай невелика — 3294 человек.

Среде обитания северных алтайцев (таежным и долинным ландшафтам) вполне соответствует традиционная специализация их хозяйства — охота и рыболовство и лишь отчасти земледелие

и животноводство в качестве подсобных отраслей. Культура таежников-промысловиков получила здесь наибольшее распространение. Именно потребность длительного нахождения в тайге определила многие элементы традиционной духовной и материальной культуры северных алтайцев. Так, среди всех духов, почитаемых северными алтайцами, особое место занимает *хозяин тайги* (*тауны/тагыны иези* или *ээзи*). От расположения духа тайги зависел промысел зверя, а следовательно, и благополучие людей. Поэтому тубалары и челканцы по отношению к *тауны/тагыны иези* придерживались определенных правил поведения. Промыслу предшествовали ритуалы, призванные задобрить хозяина тайги, получить его расположение. В лесу охотник старался без надобности не издавать лишнего шума (этого требовал хозяин тайги). Если охотник пытался добыть больше зверя, чем ему это необходимо, хозяин тайги мог разгневаться и погубить человека за жадность. Подобные верования также являлись довольно эффективными принципами экологического нормирования [Бельгибаев 2003, 365—366].

Несмотря на общее этническое самосознание северных и южных алтайцев, специфика их местообитания определила некоторые ментальные различия у этих этнографических групп. Проживание северных алтайцев в малозаселенных лесных территориях, где ничто, кроме сил природы, не угрожало существованию людей, сказалось на их менталитете. Помимо преклонения перед природой, этнический стереотип северных алтайцев отразил дружелюбие и гостеприимство. Ведь в тайге во время промысла охотник нечасто встречал других людей, а любой случайно встреченный незнакомец мог оказаться единственным человеком, от которого зависело спасение жизни попавшего в беду промысловика. Отсюда и традиция заботиться о случайных путниках в тайге (например, обычаем оставлять запас сухих дров, спички и некоторые съестные припасы в охотничьих зимовьях и летниках для путников). Кроме того, начиная с XVIII в. этнос развивался при активных связях с русским населением, от которого перенял ряд характерных этнопсихологических черт.

В настоящее время в ареале этнокультурного влияния северных алтайцев представлены функциональные типы культурного ландшафта: охотничье-промысловый и лесохозяйственный. Аграрные культурные ландшафты представлены лишь подсобно-земледельческим (огородническим) подтипом.

4. *Культурный ландшафт южных алтайцев.* Южные алтайцы (алтай-кижи, теленгиты, майминцы, кыпчаки и найманы) более обособлены, чем северные, от других этносов. Они занимают территорию горных степей и долин Центрального, Юго-Восточного и Восточного Алтая, где составляют от 60 до 95% населения (Усть-Канский, Онгудайский, Улаганский р-ны), также значительное их количество проживает в Кош-Агачском, Усть-Коксинском, Майминском и Чемальском р-нах. Общая численность южных алтайцев в республике — 64560 человек.

Южные алтайцы — исконные скотоводы-кочевники. Их хозяйственной специализацией является разведение овец, коз, лошадей, в меньшей степени крупного рогатого скота. Большое значение в хозяйстве имеет также охота (особенно у теленгитов). Традиционный уклад полукочевой жизни они сохраняют и по сей день.

Для обеспечения оптимальной интенсивности использования пастбищных угодий южные алтайцы применяли пастбищеобороты, обнаруживая изрядные знания об устойчивости ландшафтов и их экологической емкости. Места выпасов во время перекочевок периодически менялись. Кроме того, во время ежегодных сезонных перегонов стад различались участки, через которые проходили быстро (наиболее экологически уязвимые и трудно восстанавливаемые сообщества), и участки, где могли задерживаться на несколько дней для пастбы (более продуктивные и устойчивые ландшафты). Даже при переходе на полукочевой образ жизни сохранилось использование пастбищеоборотов в хозяйственной деятельности: летом скот перегоняется в зону субальпийских лугов, где нет гнуса и значительна биомасса естественных пастбищ, на зиму стада спускаются в долину (или межгорную котловину).

Менталитет южных алтайцев складывался в условиях постоянной угрозы вторжений и необходимости борьбы за жизненное пространство. Помимо нападений враждебных народов (кыргызов, монголов, джунгар и др.) территориальные конфликты часто проис-

Фото 2. Охотничье зимовье на р. Пызас (Северо-Восточный Алтай). Фото В. Толстогузова. 2009 г.

ходили и между разными алтайскими племенами и даже родами в результате конкуренции за пастбищные угодья. Обычно это происходило в связи с увеличением поголовья скота и усилением отдельных племен и родов, стремившихся увеличить и свои родовые владения. В результате сложился определенный стереотип мышления — нелюбовь к чужакам, поскольку каждый пришелец воспринимается как претендент на жизненное пространство этноса.

Что касается принципов природопользования южных алтайцев, то здесь в полной мере проявились экологические императивы, о которых говорилось выше. Ввиду их большей этнической изолированности (по сравнению с северными алтайцами) они наиболее полно сохранили традиционные стереотипы восприятия и поведения, а также религиозно-мифологические представления алтайского этноса [Традиционные знания 2009, 123—202].

В функциональном отношении основным является аграрный тип культурного ландшафта и подтип отгонного животноводства.

5. *Культурный ландшафт казахского этноса* (см. фото 3). Казахи занимают компактную территорию в долине рек Чуя (в пределах Чуйской межгорной котловины) и Джазатор (в нижнем и среднем течении). В административном пла-

не ареал их расселения полностью расположен в пределах Кош-Агачского р-на (здесь они являются этническим большинством, составляя свыше 60% населения), отличающегося самой низкой плотностью населения и наиболее суровыми природными условиями в Республике Алтай. Поэтому, хотя территория этнокультурного влияния казахов довольно обширна, для сети поселений казахского этноса характерна высокая степень дискретности. Постоянных поселений очень мало. Главные казахские села — Жана-Аул, Тобелер, Джазатор, Кош-Агач.

Как и южные алтайцы, казахи занимаются преимущественно животноводством (разводят овец, лошадей, крупный рогатый скот, верблюдов, яков) и ведут полукочевой образ жизни (преобладают аграрные культурные ландшафты отгонно-животноводческой направленности). Численность казахов, проживающих на Алтае, составляет 12108 человек.

На Алтае казахи стали селиться в середине XIX в. В начале 1880-х гг. в Чуйскую котловину переселилось от 50 до 100 казахских семей рода сарыкалдыков. Их появление здесь связано с этногенетическими и геополитическими процессами, происходившими в Центральной Азии. Казахские племена постоянно участвовали в военных набегах на территории соседей (включая

Фото 3. Казахское стойбище в урочище Тыдтуярык (Чуйская котловина). Фото А. Головина. 2011 г.

Алтай) и сами подвергались нападением других народов. С ростом населения в Центральной Азии росла и конкуренция за пастбищные угодья, места кочевий. Обезлюдившие территории Алтая, население которого подверглось почти полному уничтожению войсками Цинской империи в ходе китайско-джунгарской войны (середина XVIII в.), попали в сферу внимания казахского этноса. В первой половине XIX в. уже отмечались самовольные перекочевки казахских родов в районе плоскогорья Укок (родовые территории алтайцев-теленгитов), которое со временем превратилось в своеобразный миграционный коридор между Северо-Западной Монголией, Алтаем и Прииртышьем.

Этническое самосознание казахов Алтая связывает их с основным этническим ареалом в Казахстане. Проживая на Алтае в статусе национального меньшинства, казахи чувствуют потребность в консолидации своей этнотерриториальной группы для сохранения этнической идентичности и собственной самобытности. Особенно большое значение с 1990-х гг. у казахов Алтая приобретает религиозный фактор. Ислам становится своеобразной цементирующей основой этноса и способствует сохранению (а иногда и восстановлению) традиционной культуры и этнического самосознания казахов.

Адаптация к вмещающему ландшафту также не могла не сказаться на этнических стереотипах этноса. Так, казахи, живущие летом отдельными, разбросанными на большой территории кочевьями, что связано с невысокой биопродуктивностью используемых ими ландшафтов, не имеют возможности часто общаться с другими людьми, кроме членов своих семей. Очевидно, этот фактор определил традиционное гостеприимство казахов Алтая. Территориальную организацию природопользования казахов Алтая в целом можно назвать рациональной, хотя, как и у южных алтайцев, имеются проблемы пастбищной дигрессии в ряде районов наиболее интенсивных выпасов. Кроме того, в районе проживания казахского этноса (Чуйская котловина) имеются участки засоленных почв, что связано с нерациональным использованием систем орошения, созданных здесь еще в советский период.

Выводы.

1. Современные культурные ландшафты Алтая являются воплощенным в пространстве результатом постоянно протекающего процесса культурогенеза, обусловленного множеством взаимосвязанных факторов природного и социального характера, сочетание которых уникально для каждого конкретного этнического ареала.

2. Для Алтая характерно значительное разнообразие культурных ландшафтов, определяемое разнообразием природы и рубежным положением этой горной страны, а также устойчивость традиционных форм культуры, связанная с естественной изолированностью и труднодоступностью территории, ее удаленностью от цивилизационных центров.

3. Специфика формирования и развития культурных ландшафтов Алтая до сих пор определяется в основном этническим фактором. Именно этническая идентичность является фундаментом, объединяющим людей этой территории в самобытные культурные сообщества, создающие специфические этнокультурные ландшафты.

4. В настоящее время в пределах исследуемой территории сложилось пять региональных культурных ландшафтов по количеству крупных этносов и субэтносов, живущих здесь: русских, русских старообрядцев, северных алтайцев, южных алтайцев и казахов.

5. Различия между региональными культурными ландшафтами Алтая хорошо выражены, в частности, в сложившихся системах традиционного природопользования, адаптированных к местным природным условиям.

Литература

Байлагасов, Манышева 2007 — *Байлагасов Л. В., Манышева Т. В.* К проблеме изучения природоохранных традиций коренных народов и их использования в практике современного природопользования (на примере природно-хозяйственного парка «Аргут» Республики Алтай) // Актуальные проблемы географии: Мат. межрег. науч.-практич. конф. Горно-Алтайск, 2007. С. 264—269.

Бельгибаев 2003 — *Бельгибаев Е. А.* Эколого-географические знания в традиционной культуре северных алтайцев // Истори-

ческий опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. 2. Барнаул, 2003. С. 365—370.

Бельгибаев, Бурнаков 2002 — Бельгибаев Е. А., Бурнаков В. А. Традиционный календарь туба // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии Сибири СО РАН 2002 г. Т. VIII. Новосибирск, 2002. С. 532—536.

Берг 1915 — Берг Л. С. Предмет и задачи географии // Известия ИРГО. 1915. Т. 51. № 9. С. 463—475.

Веденин, Кулешова 2001 — Веденин Ю. А., Кулешова М. Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия РАН. Серия географическая, 2001. № 1. С. 7—14.

Дирин 2008 — Дирин Д. А. Этно-экологические проблемы Горного Алтая // География и природопользование Сибири. Вып. 10. Барнаул, 2008. С. 43—71.

Каганский 2001 — Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сб. ст. М., 2001.

Кучуганова 2000 — Кучуганова Р. П. Уймонские староверы. Горно-Алтайск, 2000.

Лысенкова 2004 — Лысенкова З. В. Освоение территории и изменение ландшафтов // Региональные исследования. 2004. № 1 (3). С. 80—87.

Меркулов 2008 — Меркулов П. И. Концепция культурного ландшафта и становление представлений об этнокультурном ландшафтоведении // Актуальные проблемы географии и геоэкологии. 2008. № 1. С. 1—8.

Саушкин 1946 — Саушкин Ю. Г. Культурный ландшафт // Вопросы географии. Вып. 1. М., 1946. С. 97—106.

Традиционные знания 2009 — Традиционные знания коренных народов Алтае-Саянского экорегиона в области природопользования / под ред. И. И. Назарова. Барнаул, 2009.

Sauer 1925 — Sauer C. The Morphology of Landscape // University of California Publications in Geography, 1925. № 22. P. 19—53.

The summary. In presented article, developing domestic and foreign sights within the limits of the concept of a cultural landscape, authors have presented the variant of cultural-landscape differentiation of the Altai territory. On the basis of the researches five basic regional cultural landscapes of the Altai have been allocated, the basic conclusions, their concerning formations, functioning and developments are drawn.

Key words: culturegenез, cultural landscape, Altai, ethnos, concept of a cultural landscape.

В. Л. КЛЯУС
(Москва)

«КРЕСТОВЫЕ» ГОРЫ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТРЕХРЕЧЬЯ (КНР)¹

Аннотация. В статье на основе полевых материалов, собранных автором в 2007—2011 гг., дана характеристика традиции почитания крестовых гор, которая сохранилась в культуре проживающих в китайском Приаргунье православных метисов — потомков русско-китайских брачных союзов.

Ключевые слова: крестовые горы, календарная обрядность, Приаргунье.

В конце XVII столетия за Байкал пришли первые казацкие отряды русских, которые стали осваивать эти земли в долинах рек Селенги, Ингоды, Шилки, Аргунь, Амура. Русские казаки, промышленники, крестьяне вступали в тесные этнокультурные взаимоотношения с коренными народами Забайкалья — бурятами и тунгусами, заимствуя от них многие верования и обычаи. «Почти все забайкальские казаки, крестьяне и мещане, у которых отцы и деды родились там и многие предки были бурятско-русского смешанного происхождения, вполне верят в бурятское шаманство или ламайское прорицательство» — писал в XIX в. А. П. Шапов, исследователь традиционной культуры народов Восточной Сибири [Шапов 1872, 196].

Одной из сфер этнокультурного взаимодействия русских и коренных народов Забайкалья является культ гор. Он выражается в установке на наиболее значимых вершинах религиозных памятников: искусственно созданные каменные насыпи (тунгусы), обо (буряты), кресты (русские)².

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Проект «Русские и китайские обрядовые традиции в культуре метисов Северной Маньчжурии: взаимовлияние и трансформации».

² О культе гор у бурят см. [Абаева 1992]; о практике установки на горах крестов и ча-